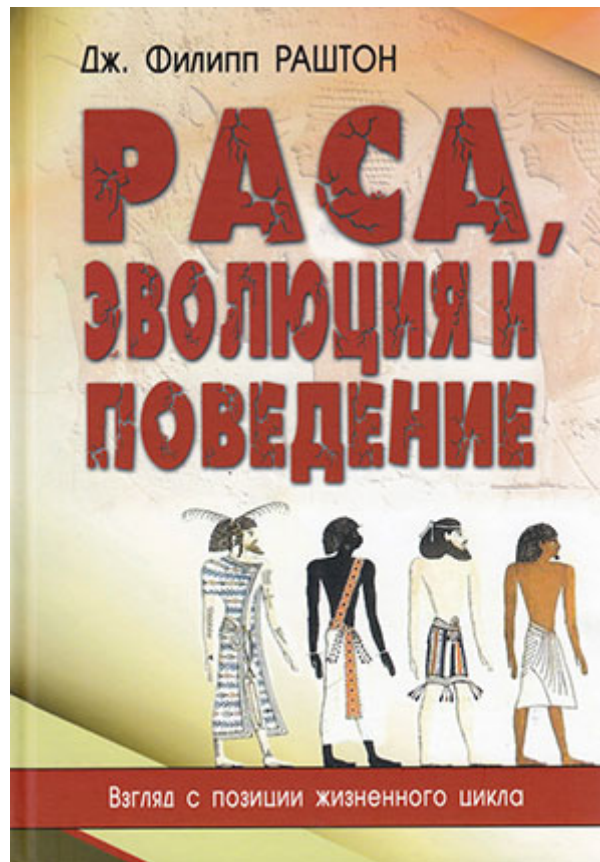

Владимир Авдеев

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ДЖ. ФИЛИППА РАШТОНА

*«Как известно, деревянные ноги
не передаются по наследству,
чего нельзя сказать о деревянных головах»*

Майкл Рьюз, канадский биолог

Во введении к своему фундаментальному сочинению «Происхождение человека» Чарльз Дарвин указывал, что основа его эволюционной теории применительно к человеку строится, в том числе, и на возможностях «оценить значение различий между, так называемыми человеческими расами». То есть, он подразумевал, что сам факт антропологических расовых различий неминуемо проецируется на культурную, социальную, политическую и даже религиозную культуру рас в процессе эволюции, ибо составляет сам стержень биологии развития организмов вообще. Какой смысл учёному изучать проблему, не касаясь её этической оценки? Дарвин был последователен, в том и состоит одна из самых главных его заслуг перед человечеством. Итак, очевидно, что биологическое понятие эволюции и философское понятие ценности изначально

переплелись в философской системе Дарвина, что было многократно подтверждено впоследствии и, обеспечивало ему статус одного из самых великих ученых в истории науки.

Его последователи, в качестве социальных дарвинистов, многократно оклеветанные, в меру сил и талантов также пытались указать на прямую взаимосвязь биологических и социокультурных факторов в процессе эволюции человека. Впрочем, излишний биологизм и был им поставлен в вину.

Однако постепенное накопление знаний в области морфологии человека, эмбриологии, в совокупности с данными, полученными в результате археологических раскопок, привело к созданию нового синтетического направления в науке под названием **эволюционная антропология**, которая была основана на трёх основных факторах, способствующих формированию рас у человека: наследственности, борьбе за существование и естественном отборе. Таким образом, расовый состав человечества есть результат сложных взаимообусловленных процессов исторического развития.

Именно дарвиновская теория сфокусировала внимание естествоиспытателей на том, что человек в процессе эволюции не освободился от основных модусов поведения своих животных предков и продолжает оставаться хищником, в полном смысле этого слова, что простирается от потребления пищи до ведения войн и принципов организации социально-экономического хозяйства.

При этом всё многообразие форм поведения как малых, так и больших человеческих сообществ, к которым относятся и расы, разделяется на две исходные составляющие: **агрессивность** и **альтруизм**, которые имеют четкую наследственную составляющую. И если с объяснением причин возникновения агрессивного поведения у учёных особых сложностей не возникало, то вот природа альтруизма долгое время оставалась неразгаданной.

Не углубляясь в суть этой сложной и увлекательной проблемы, укажем лишь, что в отечественной науке ею занимался крупный генетик В. П. Эфроимсон, посвятив ей специальную работу «Родословная альтруизма» (1971). Специфика альтруистического отбора заключается в том, что отдельные члены семьи, как правило, родители, или члены родственной группы жертвуют собой для сохранения других сородичей, которые имеют такие же гены альтруизма и передадут их следующему поколению. Альтруистическое поведение характерно в ситуациях, когда речь идёт о спасении людей, объединённых, например, чувством патриотизма. В экстремальных условиях войны факты самопожертвования со всей очевидностью подтверждают данное правило. Но при этом следует отметить, что данный биопсихологический мотив поведения срабатывает также и на расовом уровне.

Известный английский антрополог, эволюционист Сэр Артур Кейт (1866-1955) считал патриотизм одним из основных факторов расообразования. Для обоснования этого тезиса ученый сформулировал доктрину **«племенного человека»** («tribal man»). В своей книге «Этнос, или проблема расы» (1931) он писал: «Человек – это всего лишь пешка на шахматной доске эволюции. Истина в том, что в первобытном человеке, как и в современном, добро и зло перманентны. Племенная жизнь возможна лишь в том случае, если человек умеет и ненавидеть, и любить. Каждый член племен должен иметь двойную природу: одно отношение к своим соплеменникам, другое – к чужим. Каждый должен уметь быть жестоким и любезным, помогать и мешать, спасать и убивать. У члена племени нет выбора: одна сторона его природы преобладает, когда он среди своих, другая – вне своего круга. Мы все по происхождению – люди племени, наш менталитет укалывается в схему эволюции рас».

Именно с исследований в области природы альтруизма и начал свое восхождение в науке канадский профессор психогенетики **Дж. Филипп Раштон (J. Phillippe Rushton)**, популярнейшую в мире книгу которого «Раса, эволюция и поведение» мы с удовольствием предлагаем русскому читателю с любезного согласия автора.

Дж. Филипп Раштон родился в Великобритании в городе Боурнемоурт 3 декабря 1943 года в семье строительного подрядчика. Отец был англичанином, а мать француженкой. Сначала семья эмигрировала в Южную Африку, а позднее в Канаду, где будущий учёный обучался в различных школах. Затем Раштон вернулся в Англию, изучал психологию в Университете Лондона с 1970 года, а в 1973 году за работы по альтруизму у детей получил степень доктора философии в Лондонской школе экономики. После этого стажировался по данной теме в Университете Оксфорда. Вновь вернувшись в Канаду, он обучался в Университете Йорка с 1974 по 1976 годы, и до 1977 года – в Университете Торонто. Затем переехал в Университет Западного Онтарио, где в 1985 году получил звание профессора. В 1992 году был удостоен степени Доктора социологии в Университете Лондона.

Дж. Филипп Раштон – автор более 250 научных статей и шести монографий, которые посвящены расовым проблемам, генетической природе альтруизма, исследованиям интеллекта и истории развития науки, прежде всего психологии.

Он является членом Американской Ассоциации по развитию науки, а также членом Канадской Ассоциации психологов. С 1988 года – член Фонда имени Джона Саймона Гуггенхайма. С 2002 года по настоящее время возглавляет Пинонер-Фонд.

Наибольшую славу Дж. Ф. Раштону принесла его научная монография «Раса, эволюция и поведение» (1997), которая уже выдержала три переиздания на

английском, одно на немецком и одно на японском языках. Кроме того, она многократно переиздавалась в сокращенном популяризированном виде. Поэтому можно без преувеличения сказать, что сегодня профессор Раштон является известным и востребованным академическим специалистом по вопросам расологии. Количество ссылок в интернете на его имя не поддается никакому исчислению.

Уникальность предлагаемой русскому читателю работы состоит в том, что это не просто энциклопедический свод биологической, социологической и психологической информации, но подлинно синтетический обобщающий труд, обладающий всеми характерными чертами нового научного мировоззрения, что и обеспечило такую мировую известность автору.

Основная идея состоит в том, что, как считает учёный, ксенофобия и альтруизм – это две стороны медали, имя которой – биологическая эволюция. Это два абсолютных полюса бытия, два потенциала, создающих напряжение эволюционного процесса, которое и возгоняет токи развития организмов в природе. «Групповой фаворитизм в отношении собственной этнической группы мог возникнуть как расширение влияния семьи и социальной спаянности. Поскольку люди обеспечивают «режим наибольшего благоприятствования» имеющим с ними генетическое сходство для более эффективного распространения своих генов, ксенофобия может представлять тёмную сторону человеческого альтруизма. Для достижения научного прогресса необходимо встать выше как «расистской», так и «антирасистской идеологий», – пишет Раштон в самом начале своей книги. Главный тезис учёного состоит в том, что «генетическая вариабельность вносит значительный вклад в различия между человеческими группами».

По мысли автора, именно излишнее увлечение социологией как таковой и приводит к негативным политическим перекосам в общественном сознании, а никак не чрезмерная биологизация человеческой природы.

«Происхождение современного человечества – одна из величайших нерешенных проблем эволюционного учения. Объяснение расовых различий может дать ключ к пониманию того, что происходило на заре эволюционной истории человечества. Это может также представить универсальную модель деятельности человечества. Имеющие под собой генетическую основу репродуктивные стратегии обеспечивают лучшее объяснение поведения, чем одни лишь социальные силы» – утверждает Раштон.

С социологической точки зрения мы наблюдаем в повседневной практике, что чувства национализма и патриотизма являются иррациональными, однако в драматические моменты исторических испытаний можно судить об уровне консолидации нации именно по степени их проявления, а не по статистическим

данным. Словно смерч на ясном небе, просыпается вдруг зов расового архетипа, и спокойные политкорректные бургеры в одночасье объединяются в отряды смельчаков, готовых жертвовать собой во имя Родины и счастья потомков. Ни один социолог не может истолковать природу подобных революционных трансформаций сознания. Напротив же, специалисты из области биологии могут объяснить причину происхождения социокультурных явлений этнобиологическими факторами. «Тот факт, что люди смягчают свое поведение пропорционально генетическому подобию, имеет далеко идущие последствия. Он наводит на мысль о биологической основе этноцентризма. Несмотря на огромную вариацию в пределах популяций, можно ожидать, что два человека в пределах одной этнической группы будут в среднем генетически более сходны друг с другом, чем два человека из разных этнических групп. Согласно теории генетического подобия, люди будут благоприятствовать своей этнической группе больше чем другим. В соответствии с теорией генетического подобия, патриотизм – это больше, чем «управляемый извне альтруизм, наносящий генетический ущерб индивиду. Он является эпигенетически направляемой стратегией, посредством которой ген воспроизводит свои копии более эффективно».

Именно поэтому патриоты склонны именовать родную страну «Родиной-матерью», либо «Отчиной», или же усиливать связь между соотечественниками, обращаясь к ним как «братья» и «сёстры».

Следовательно, происхождение этнических конфликтов не поддается объяснению в рамках традиционных представлений социологии, в то время как теория генетического подобия, пропагандируемая Раштоном, может обеспечить прогресс в понимании подлинных причин этих конфликтов и этноцентрических установок в мировоззрении вообще. В человеческих группах стремление к биологической консолидации существенно усиливается факторами культурного родства. Язык, искусство, религия, законы, различные формы и проявления патриотизма и национализма значительно расширяют масштаб альтруистического поведения. Таким образом, становится очевидным, что человеческая эволюция возникла и развивалась именно на уровне группового отбора. Только этим в принципе и можно объяснить моральные формы поведения: честность, доверие, сдержанность, готовность поделить последним, лояльность и самопожертвование, которые неминуемо повышают выживаемость членов биологической группы по сравнению с теми, у которых данные формы поведения не развиты. Поэтому групповой эволюционный отбор формирует общие ценности и мировоззрение.

Легко убедиться, что данное правило действует на всех ступенях эволюционного процесса и справедливо для всех уровней биологической организации. В человеческом обществе ему подчинены не только отдельные индивидуумы, группы, сообщества, нации, но и целые расы. «На протяжении тысячелетий расизм был не просто словом, он был образом жизни. Этнический фаворитизм

и запреты межэтнического смешения – факт, подтверждаемый историческими документами. Принижение важности расы не только противоречит столь распространённому у людей обычаю самоопределяться и вести свою историю от предполагаемого предка, но также игнорирует работы биологов, изучавших другие виды живых существ. Наиболее фундаментальная связь, осознаваемая родоплеменным человеком, это кровное родство; во многих случаях всякий, не ставший родственником, становится врагом».

Таким образом, генетические различия, закреплённые в наследственном фонде факторами эволюционного отбора, влияют на все стороны личной и общественной жизни людей и являются неустранимыми.

«Доказывать, что плохие социальные и экономические условия ответственны за низкий интеллект негроидов, всё равно, что помещать повозку впереди лошади. Предполагается, что нищенские условия являются всего лишь результатом внешних обстоятельств, не подвластных человеку. Такие заявления не выдерживают никакой критики. Генетические теории помогают объяснить, почему одни люди преуспели там, где другие потерпели неудачу, занимая первоначально более выигрышное положение. В пределах ограничений, накладываемых всем спектром культурных альтернатив, люди создают себе среду обитания, максимально подходящую их генотипу», – таков один из главных выводов в книге Дж. Филиппа Раштона «Раса, эволюция и поведение. Её появление на авансцене академической науки было закономерным результатом бурного развития естествознания во второй половине XX века, вторгшимся буквально во все области человеческой деятельности, всё чаще преодолевая барьеры первоначально узкоспециальных сфер применения знаний. Даже глубоко гуманитарные дисциплины постигла участь смены ценностных критериев и методологической базы под воздействием новейших открытий в области генетики, молекулярной биологии, нейробиологии, нейрохимии. Великий учёный В. И. Вернадский, предвидя грандиозный синтез наук, ещё в 30-е годы писал: «...рост знания XX века быстро стирает грани между отдельными науками. Мы всё больше специализируемся не по науке, а по проблемам».

В плане истолкования социально-политических процессов в обществе на основе новейших междисциплинарных изысканий стоит в первую очередь рассмотреть развитие целого иерархического триединства таких сравнительно молодых дисциплин как этология, социобиология и биополитика.

Этология – научное направление, изучающее биологические предпосылки любых форм поведения, – является по сути первой самостоятельной формой новейшего социал-биологизма. Его расцвет, приходящийся на 50-60-е годы, принято связывать с именами крупнейших австрийских учёных Конрада Лоренца и Иренеуса Эйбл-Эйбесфельдта.

Социобиология – в свою очередь концентрирует внимание на биологических механизмах социального поведения человека. Возникновение этой науки принято связывать с именем американского биолога Эдварда О. Уилсона, издавшего в 1975 году книгу с характерным названием «Социобиология: Новый синтез», что и положило начало новому направлению.

Биополитика – направление, изучающее исключительно формы политического мышления и поведения на основе биологической мотивации как отдельных индивидуумов, так и целых сообществ, – выделилась в самостоятельную дисциплину в 70-80-е годы.

По сути, все три науки исходят из одних и тех же принципов, рассматривая формы человеческого поведения на основе досоциальных, то есть врожденных инстинктов, присущих человеку как живому организму. Разница состоит лишь в акцентах и границах применимости, что и отразилось в названиях самих наук, а также во времени возникновения. Общность же критериев, понятий и методов помогает ученым работать по принципу их взаимодополнения, повышая точность и доказательность каждого отдельно взятого исследования.

В книге «Оборотная сторона зеркала» (М., 1998) Конрад Лоренц писал: «В социальном поведении человека также заключено инстинктивное содержание, не поддающееся изменению посредством культурных воздействий. Шаблоны поведения – столь же надежные признаки родственных групп, как любые телесные черты. В последнее время биохимики показали, что химическое кодирование индивидуально приобретенной информации в ценных молекулах невозможно по временным причинам. При рождении организму задается информация о биологически «правильных» ситуациях и средствах, позволяющих ему справляться с такими ситуациями». Иренеус Эйбл-Эйбесфельдт обосновывает структуру мотивация нашего поведения также генетикой, утверждая: «Мы знаем, что почти всем, чем мы сегодня пользуемся, мы обязаны достижениям наших предков».

По мнению Эдварда О. Уилсона, задача социобиологии состоит в том, чтобы «демистифицировать социальный мир» и тем самым способствовать раскрытию многих злободневных общественных проблем. «Человеческое сознание, – по мнению Уилсона, – это устройство для выживания и воспроизводства, а разум всего лишь один из инструментов для биологического воспроизводства».

Биограмма человека – одно из центральных понятий социобиологии – представляет собой врожденный репертуар стратегий поведения, матрицу с закодированными в ней модусами социальных реакций, духовных предпочтений и подсознательных инстинктов, передающихся из поколения в поколение представителями одной расы. Группы индивидов одной расы в процессе социального объединения соединяют свои биограммы в одну коллективную, которая

и придает характерный неповторимый облик данной расовой культуре. Утверждение о зависимости ряда основополагающих элементарных форм социального поведения и его культурной практики от биограммы человека – центральная идея социобиологии. Без генетически запрограммированных типов социального поведения, составляющих сущность человеческой природы, не могли бы возникнуть культура и цивилизация – таков лейтмотив социобиологии. Культурантропологи, изучающие общество, постигают лишь его оболочку. В свою очередь социолог, оперирующий принципами биологии, постигает его суть. Поэтому биологическое знание о человеке должно служить исходной предпосылкой для всех общественных наук. Вообще развитие человеческого общества направляется внутренней логикой биологической эволюции, а отнюдь не «сознательно» создаваемыми людьми идеалами и ценностями.

В другой книге под названием «О человеческой природе», вышедшей в свет в 1978 году, Э. О. Уилсон писал: «Гены держат культуру на привязи. Привязь очень длинная, но ценности неизбежно будут ограничиваться в соответствии с их воздействием на человеческий генетический комплекс. Человеческое поведение... это своеобразная техника, посредством которой человеческий генетический материал сохранялся и будет оставаться нетронутым. Мораль не имеет иной демонстративной конечной функции». В качестве же исходной единицы биологической эволюции рассматривается ген. Известный английский биолог Ричард Докинз также считает, что «человек – только контейнер для бессмертной спирали ДНК»

Таким образом, становится очевидным с точки зрения эволюционной теории, что друзья и враги – это не замысловатая смесь симпатий и антипатий, и соображений политической конъюнктуры, а всего лишь степень совместимости комбинаций генов.

Современный канадский биолог Майкл Рьюз в связи с этим справедливо заметил в своей книге «Философия биологии» (М., 1980): «Наше нравственное чувство – биологическая адаптация, такая же, как руки и ноги». Замечательный русский философ П.Л. Лавров (1823-1900) в монографии «Цивилизация и дикие племена» (СПб, 1904) писал: «Предполагать в природе сожаление, разумность и целесообразность вне чувствующих и желающих особей значило бы вносить в науку оккультные причины, которые слишком уже долго задерживали науку; если они не доступны опыту по самой своей сущности, то об них можно сказать, что они не существуют. Природа подписала смертный приговор слишком многим группам существ, чтобы позволительно было усомниться в её готовности столь же бессознательно исполнить подобный приговор и над сколькими угодно расами. Едва только национальность обособилась, как исторический продукт нарождения и культуры, так для неё начинается, как для всего живого, борьба за существование, и её последовательные поколения передают одно другому весьма простое стремление: защищай своё существование, сколько сможешь: распространяй своё влияние и подчиняй себе

всё окружающее, сколько можешь, поедай другие национальности физически, политически или умственно, сколько можешь. Чем энергичнее национальность, тем лучше она проводит первое требование. Чем она человечнее, тем более теряет значение для неё последнее. Историческая же роль её определяется способностью влиять на другие национальности при сохранении собственных и чужих способностей».

Данный тезис можно проиллюстрировать цитатой из Гёте, сказавшего однажды: «Жизнь – прекраснейшее изобретение природы, а смерть – искусственное средство, чтобы иметь много жизни». Один из основоположников философской антропологии Арнольд Гелен (1904-1976) писал: «Единственная истина заключена в том, что всякая жизнь питается только жизнью». Современный немецкий философ консервативного направления Герд-Клаус Кальтенбруннер также подчеркивает: «Было бы заблуждением считать, что если отдельный народ добровольно разоружится или заявит о своей дружбе со всем миром, то он может устранить различие «друг-враг». Было бы глупостью думать, что беззащитный народ имеет только друзей от того, что у этого народа нет силы или воли удерживать себя в сфере политики. Сама политика не исчезает, исчезает только слабый народ».

Мы сознательно привели экскурс в историю вопроса, чтобы наглядно показать, что современное сочинение Дж. Филиппа Раштона как бы венчает собой развитие целого синтетического направления, находящегося на стыке гуманитарных, естественных и точных наук. Причем отечественная наука, длительное время находившаяся в плену марксистских догм, также не отрицает плодотворность подобного подхода. Так крупнейший советский антрополог В. П. Алексеев в книге «Человек: эволюция и таксономия» (М., 1985) отмечал: «Одной из фундаментальных проблем в области расоведения является проблема соотношения результатов изучения физического типа человека с итогами разработки всего комплекса социально-исторических дисциплин, коротко говоря, проблема соотношения антропологии и социологии, антропологии и истории. Смехотворно обеднять историю, полностью закрывать глаза на биологию человека и её роль в общественном развитии, считать человека лишь какой-то бесплотной общественной субстанцией. Народы различаются не только по своим социально-культурным особенностям, но и по биологическим признакам».

Поскольку современный канадский ученый не просто обобщает данные целого комплекса наук о человеке, но, по сути, выстраивает целое самостоятельное мировоззрение, представляется возможным говорить уже о новом направлении, которое можно обозначить как **генетический детерминизм**.

Характерно, что цитированный нами классик отечественно науки В. П. Алексеев в упомянутом сочинении в духе времени формулировал суть нового подхода таким образом: «Переход от фенотипической изменчивости к генотипу и

составляет, по сути, основную задачу и основной путь расогенетического исследования».

Своевременность выхода в свет книги Дж. Филиппа Раштона в контексте развития новейшей науки и обеспечила ей успех. И хотя не все выдвигаемые автором положения бесспорны, однако, по нашему мнению, исследовательские работы такого уровня должны способствовать развитию общей мировоззренческой культуры в нашей стране.

Джон Филипп Раштон

Предисловие автора к русскому изданию

Я глубоко признателен Владимиру Авдееву и Дмитрию Румянцеву за то, что они посвятили столько времени и сил подготовке этого издания «*Расы, эволюции и поведения*» на русском языке. Многие разделы книги носят весьма специальный характер и нелегки для перевода. Кроме этого, в книге содержится много таблиц и рисунков, создающих дополнительные сложности в работе. Я понял в ходе переписки, сколько внимания уделялось деталям. Переводчик даже обнаружил некоторые ошибки, содержащиеся в англоязычном издании. У меня сложилось убеждение, что перевод выполнен аккуратно.

Русский перевод перекликается с другими недавно изданными книгами, посвящёнными объективному анализу состояния человечества с эволюционной точки зрения. Хотя одни могут посчитать мои выводы противоречивыми – даже нежелательными – я надеюсь, что другие смогут усмотреть некоторое изящество и гармоничность, которых я добивался в ходе своего изучения разнообразия человечества. В упрощённом виде социальные науки базируются на индивидуальной психологии, которая, в свою очередь, опирается на биологию, базирующуюся на генетике, и все они, в конечном счете, укоренены в эволюционных процессах. Я стремился следовать видению Е. О. Уилсона, изложенному им в его великой книге «*Социобиология: Новый синтез*» (Wilson, 1975), безусловно вдохновлённому до этого идеями Чарльза Дарвина.

Налицо вселяющие надежду признаки того, что железная хватка Политической Корректности ослабевает. Помимо моей работы, недавно вышли другие книги на табуированную тему расы и IQ. В их числе монографии «*IQ и глобальное неравенство*» Ричарда Линна и Тату Ванханена (Lynn, Vanhanen, 2006) и «*Всемирная колоколообразная кривая*» Р. Линна (Lynn, 2008). В предисловии к последней книге я излагаю результаты некоторых выполненных мною исследований IQ в Сербии (у цыган или рома) и в Южной Африке (у выходцев из Восточной Азии, белых, выходцев из Южной Азии, цветных и негров).

Принимая во внимание бурную полемику, вызванную первыми публикациями наборов оценок IQ Ричардом Линном с 1970-х по 1990-е гг., я полагаю важным, что мне довелось принимать участие в некоторых оригинальных исследованиях, способных подтвердить или уточнить результаты Р. Линна. Даже коллеги, согласные с моими исследованиями, были озабочены качеством некоторых из опубликованных данных, особенно по аборигенам Южной Азии, таким как цыгане *рома* в Восточной Европе, и по населению Африке Южнее Сахары.

В 2004 г. я прилетел в Сербию, в Белград, чтобы присоединиться к группе антрополога Хелены Хворович, которая в течение двухлетнего периода протестировала 323 цыган *рома* возраста от 16 до 66 лет в трёх таборах Белграда с помощью Цветных матриц Равенна или его Стандартных прогрессивных матриц (Rushton, Svorovic, Bons, 2007). Как хорошо доказано и широко известно, этот тест общих умственных способностей в наименьшей степени связан с культурой. Всего из 60 матриц цыгане решали в среднем 29, что помещало их на 3-й процентиль национальных норм США 1993 г., соответствующий IQ в 70 баллов. То есть взрослые цыгане имели оценки IQ на уровне 10-летних сербских детей.

Ранее, в 1998 г., мною была начата серия исследований для получения новых данных об IQ совместно с профессором Мервином Скъюи, из Университета Витватерсренда в Южной Африке. Наше первое исследование было выполнено среди 309 студентов психологов Университета Витватерсренда возраста от 16 до 23 лет. Входившие в группу испытуемых 173 студента африканца решали в среднем 44 из 60 задач, а 136 белых студентов решали в среднем 54 задачи, что даёт средние оценки IQ в 84 и 104 балла, соответственно (Rushton, Skuy, 2000). Впоследствии мы исследовали африканских студентов с потенциально более высоким IQ, обучающихся на инженерном факультете. В лучших американских университетах студенты инженерных специальностей получают оценки на уровне 98-го процентиля по результатам таких тестов, как SAT и GRE. Студенты психологи, для сравнения, обычно получают средние оценки на уровне 84-го процентиля, который всё-таки достаточно высок против общего среднего значения (по определению) на уровне 50-го процентиля.

В одном из исследований мы представляли студентам инженерам (N = 342, возраст от 17 до 23 лет) тест SPM (Rushton, Skuy, Fridjhon, 2002). Всего из 60 задач африканцы решали в среднем 50, выходцы из Южной Азии 53, и белые 56, что даёт оценки IQ в 97, 102 и 110 баллов, соответственно. Хотя средняя оценка IQ у африканских студентов инженеров была выше, чем у студентов психологов (85 баллов), она всё равно даёт популяционную среднюю в 70 баллов при обоснованном предположении о том, что африканские студенты инженеры имеют IQ на два стандартных отклонения выше общего среднего значения (как это имеет место в США).

Всего нами были опубликованы результаты семи исследований среди студентов, на основании которых средний IQ африканских студентов оценен нами в 84 балла (от 77 до 103). Предположив, что, подобно группам студентов во всём мире, IQ африканских студентов выше среднего популяционного значения на одно стандартное отклонение (или 15 баллов), среднее значение студентов в 84 балла даёт среднее значение для генеральной популяции в 70 баллов. У белых студентов величины IQ лежали в пределах от 105 до 117 баллов, у выходцев из Восточной Индии (Южной Азии) они имели промежуточные значения и лежали в диапазоне от 102 до 106 баллов.

Один из путей осмысления низкого IQ африканцев в 70 баллов (и сходного значения цыган, найденного нами в Сербии) это представление его в терминах *умственного возраста*. На основании манер вести себя и поведения в целом, африканцы и цыгане не «умственно отсталые» в том смысле этого слова, который по большей части используется в клинической психологии для такого детского уровня интеллекта. Уровень IQ в 70 баллов эквивалентен умственному возрасту в 11,2 лет. Так что размах умственного возраста в Африке составляет от 7 до 16 лет со средним в 11 лет. Двенадцатилетние дети не являются умственно отсталыми. Они могут водить автомобиль, работать в поле и даже на фабриках при надлежащем руководстве. Они также могут воевать. Так что выпускники африканской начальной школы имеют умственный возраст примерно 7 лет, поступающие в среднюю школу около 11 лет, а протестированные нами университетские студенты с наибольшим уровнем IQ – от 16 до 17 лет. Взрослые белые, для сравнения, имеют средний умственный возраст от 11 до 24 лет со средним значением в диапазоне примерно в 17 лет. У афроамериканцев, имеющих приблизительно на 25% европеоидную родословную, средний IQ составляет 85 баллов, что эквивалентно умственному возрасту примерно в 14 лет со средним размахом от 11 до 16 лет.

Панорама дебатов на тему раса-IQ существенно изменилась после опубликования Р. Линном обзора 620 работ, выполненных в 129 странах (Lynn, 2006¹, Lynn, Vanhanen, 2002, 2006). Один из вытекающих из этих работ и приковывающих внимание фактов, состоит в том, что среднемировой IQ составляет в среднем только 90 баллов. Менее, чем одна из пяти стран, имеет средний IQ, эквивалентный или близкий к существующему в Великобритании (или в России) и принятый за 100 баллов. Почти половина средних национальных IQ составляют 90 баллов или ниже. Если верен вывод Линна в его монографии «*IQ и мировое неравенство*» о том, что IQ в 90 баллов является пороговым для поддержания технологической экономики, то это представляет серьёзную проблему. Линн и Ванханен нашли (Lynn, Vanhanen, 2006), что национальный IQ

¹ Эта работа Р. Линна доступна в русском переводе: «*Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ*», Профит Стайл, Москва, 2010 г. [**Прим. ред. ВС: А также на английском языке в сети Интернет.**]

обладает предсказательной силой. По данным из 192 стран, национальный IQ коррелирует с национальным доходом (0,68), уровнем грамотности взрослого населения (0,64), с числом поступающих в высшие учебные заведения (0,75), ожидаемой продолжительностью жизни (0,77), уровнем демократизации (0,57), а также с некоторыми показателями качества жизни по оценке Всемирной Организации Здравоохранения.

Линн (Lynn, 2006) выходит далеко за рамки обычно изучаемых трёх больших рас. Он отводит по главе каждому «генетическому кластеру» или группе популяций, идентифицированных Луиджи Кавалли-Сфорца и его коллегами в монографии «История и география человеческих генов» (Cavalli-Sforza et al., 1994). Линн рассматривает эти генетические кластеры как «расы» (Lynn, 2006). Обращаясь к вопросу о причине национальных различий в IQ, Линн и Ванханен (Lynn, Vanhanen, 2006) сделали вывод, что они являются отражением расового состава населения. Наблюдается заметное постоянство средних оценок IQ стран, классифицированных по расовым кластерам. Линн обнаружил, что аборигены Восточной Азии – китайцы, японцы и корейцы – имеют наивысший средний IQ в 105 баллов. За ними следуют европейцы с их IQ в 100 баллов. Дальше располагаются эскимосы (IQ = 91), аборигены Восточной Азии (IQ = 87), американские индейцы (IQ = 87), аборигены островов Тихого океана (IQ = 85) и аборигены Южной Азии и Северной Африки (IQ = 84). Наименьшие средние значения были обнаружены у африканцев районов Африки южнее Сахары (IQ = 67) и австралийских аборигенов (IQ = 62). Самые низкие оценки получили бушмены пустыни Калахари.

Вместе с Линном я предполагаю, что теория холодных зим объясняет, почему у европейцев и аборигенов Восточной Азии развился высокий IQ. В течение последнего ледникового периода, от 28.000 до 12.000 лет назад, высокий интеллект явился результатом естественного отбора по признаку увеличения мозга. Повышенный IQ улучшал способность индивидов строить жилища, хранить пищу, изготавливать одежду и успешно охотиться на крупных животных, чтобы выжить самим и сохранить своё потомство в течение долгих морозных зим. Теорию холодных зим поддерживает корреляция на уровне 0,62 между средним объёмом черепа и расстоянием проживания от экватора, полученная на материале 20.000 черепов (Beals, Smith, Dodd, 1984).

Эта теория хорошо сопрягается с теорией «исхода из Африки», предложенной мною для объяснения трёхчленного профиля распределения расовых признаков. Общепринятый на сегодня взгляд на происхождение человечества состоит в представлении о том, что вид *Homo sapiens* возник в Африке около 150.000 лет назад и распространился на Север за пределы Африки примерно 100.000 лет назад, после чего разделился на европейцев и аборигенов Восточной Азии около 41.000 лет назад. Давление эволюционного отбора различно в жаркой саванне, где обитали африканцы, и в холодных северных регионах Европы, где оказались европейцы, или в ещё более холодных регионах

Азии, где эволюционировали восточные азиаты. По мере того, как эти две последние популяции эволюционировали в современных европейцев и аборигенов Восточной Азии, давление среды обитания работало в сторону увеличения мозга, замедления скорости созревания, снижения уровней половых гормонов и влияло на все остальные характеристики жизненного цикла, представленные в таблице 1.1.

С яростной критикой эволюционных объяснений региональных различий в IQ, включая линновскую теорию холодных зим и мою теорию жизненного цикла, выступили Вичертс и соавт. (Wicherts et al., 2010). Они указали на многие несостыковки единиц измерения показателей и на низкое качество некоторых данных. Также они утверждали, что ввиду невозможности эмпирической проверки событий далёкого прошлого, эволюционная основа национальных и региональных различий IQ должна предполагаться лишь тогда, когда существует «очень твёрдое предварительное знание процессов, которые создали зависимости», а такие знания «почти что отсутствуют» (стр. 95). Вичертс и соавт. взамен выдвинули гипотезу, что ковариация переменных происходила вследствие «статуса развития» стран.

Я ответил на критику Вичертса (Rushton, 2010) предположив, что наследуемая «сила мозга», опосредованная его размером, была первичной причиной соотношений средних национальных IQ. Размер мозга даёт нам независимую переменную, которая рвёт цепь рассуждений, не выходящих за пределы логического круга, и позволяет делать доступными для проверки опытом предсказания как внутри вида, так и межвидовые.

Теория жизненного цикла, предлагаемая в этой книге, объединяет основанную Дарвином эволюционную традицию с традицией генетики поведения, начало которой было положено Гальтоном. Только изучая расу, генетику и поведение, а не тщательно избегая этого, мы действительно сможем встать на плечи гигантов, пришедших до нас.

Список литературы для предисловия к русскому изданию

- Beals, K. L., Smith, C. L., Dodd S. M. (1984). Brain size, cranial morphology, climate, and time machines. *Current Anthropology*, 25, 301-330.
- Cavalli-Sforza L. L., Menozzi P., Piazza A. (1994). *The history and geography of human genes*. Princeton, NJ: Princeton University.
- Lynn R. (2008). *The global bell curve*. Augusta, GA: Washington Summit Publishers.
- Lynn R., Vanhanen T. (2006). *IQ and global inequality*. Augusta, GA: Washington Summit Publishers.
- Rushton J. P. (2010). Brain size as an explanation of national differences in IQ, longevity, and other life history variables. *Personality and Individual Differences*, 48, 97-99.

Rushton J. P., Bons, T. A., Vernon, P. A., Cvorovic, J. (2007). Genetic and environmental contributions to population group differences on the Raven's Progressive Matrices estimated from twins reared together and apart. *Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences*, 274, 1773-1777.

Rushton J. P., Skuy M. (2000). Performance on Raven's Matrices by African and White university students in South Africa. *Intelligence*, 28, 251-265.

Rushton J. P., Cvorovic J., Bons T. A. (2007). General mental ability in South Asians: Data from three Roma (Gypsy) Communities in Serbia. *Intelligence*, 35, 1-12.

Wicherts J. M., Borsbooma D., Dolana C. V., Why national IQs do not support evolutionary theories of intelligence. *Personality and Individual Differences*, 48, Issue 2, 91-96

Wilson E. O. (1975). *Sociobiology: The new synthesis*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Посетите Библиотеку Велесовой Слободы, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).